

Глава 1. Русь изначальная. Славяне, балты и финно-угорцы.

Археология и гидронимия. В глубокой древности — в конце 3-го — начале 2-го тыс. до н. э. На территории современных районов европейской части России, первыми из индоевропейцев, расселяются племена **шнуровой керамики**. В частности Волго-Окское междуречье, где находится Подмоскovie, оказалось в зоне распространения **фатьяновской культуры**.

По взглядам некоторых современных исследователей (в частности Крайнов 1980) именно фатьяновцы являются предками балтийских племён — первых достоверно подтверждённых местных жителей. Далее около 2-х тыс. лет до н. э. Фатьяновцы были подвергнуты с востока давлению племён **волосовской культуры**, которая этнически соответствует финно-угорской языковой общности.

Анализ гидронимии Московской области показывает, что волосовская финно-угорская гидронимия представлена лишь на северо-востоке и востоке области, балтская преимущественно на западе, юго-западе и в центре области, славянская как наиболее поздняя везде (но в названиях малых и средних рек). Поэтому особо остановимся на гидронимии рек Волга и Ока — они самые крупные реки Московской области. О них и о реке Москве речь подробно речь пойдёт в следующей 2-й главе.

Следует дать теперь описание народов населявших Московию на вторую половину первого тысячелетия н. э. - славян — вятичей (а отчасти кривичей и словен новгородских), балтов — голяди, финно-угров — мери, мещеры и муромы. А также попытаться воссоздать их антропологическую взаимосвязь.

Славяне. Археологами отмечено три расселенческих потока древних славян в Волго-Окское междуречье.

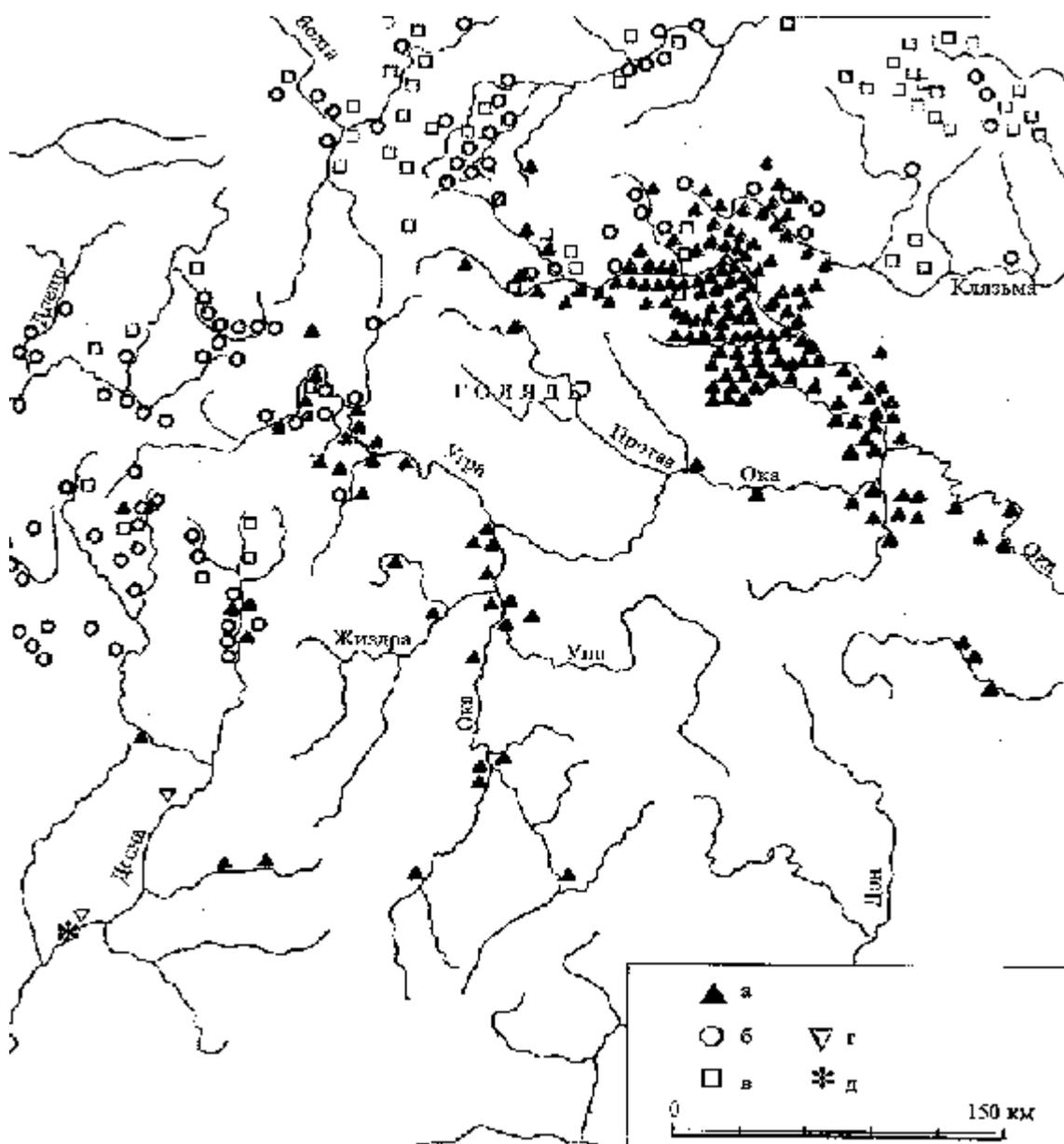
- с северо-запада шли новгородские словени;
- с запада — кривичи;
- с юга — вятичи;

Следует отметить, что на рубеже IX – X вв. новгородские словени расселяясь в юго-западном направлении, остановили дальнейшее продвижение смоленских балтов в восточную часть Волго-Окского междуречья. Заставив видимо сидеть балтов в виде реликтового племени **голядь** на р. Протве. Волна смоленских кривичей, двигаясь с верховья Днепра в Волго-Клязминское междуречье по миграционным следам балтов, ассимилирует и активно вовлекает их в свою хозяйственную деятельность. Таким образом в XI веке значительно сократилась территория расселения балтоязычных племён также на западе и севере подмосковья.

Непосредственно на территории современной Москвы **кривичских**

памятников-курганов не выявлено, но они дугой охватывают её с северо-запада и северо-востока, приближаясь на 15-20 км соответственно. Территория самой Москвы (в т.ч. Современной) имела **вятичские памятники-курганы**, а также дошедшие за истечением времени **гидронимы и памятники балтов**. Такие курганы есть например по левобережью Москвы-реки (Крылатское и Дьяково-городище в Коломенском). Информация надо сказать противоречива поскольку прослеживается временной перекрёст культур. А вот северное и северо-восточное Подмосковье имеет немало финно-угорских гидронимов и памятников. (см. карту 1)

Археологические находки древней Московии (В.В. Седов). Карта 1

Легенда: этнокультурная ситуация между Волгой и Окой в XI-XII вв. а - памятники с находками семилопастных височных колец (вятичи); б - с находками браслетообразных завязанных височных колец (кривичи смоленско-полоцкие); в - с находками браслетообразных сомкнутых височных колец ("меря"); г - с находками семилучевых височных колец (радимичи); д - с находками спиральных височных колец (северяне).

Эти данные говорят о том, что окрестности Москвы, несомненно были населены гуще, чем территория других родо-племенных групп Подмосковья. Поэтому именно Москва, распологалась в наиболее большом и обособленном узле расселения **вятичей**. Здесь проходила **граница древнего родового расселенческого стька** балтского племени — **голядь**, (а возможно также племён **весь** и **воть**) — на западе Подмосковья и финно-угорских племён — меря и мещера на севере и востоке соответственно. Некогда дикие и малолюдные — эти земли с приходом **вятичей** стали связующим звеном между новгородцами, Ростово-Суздальским княжеством и Киевской Русью! Ростово-Суздальское княжество по родо-племенному своему составу было кривичское с остатками мери и очагами муромы. Что же касается кривичей Подмосковья — то их археологические памятники, как ранних (IX в.), так и поздних (XI – XII вв.) локализуются в верховье р. Ламы, на левом берегу Рузы и её притоках Озерне и Истре, и по левобережью Клязьмы (15-20 км от МКАД).

Таким образом основным народо-населением Древней Руси в Подмосковье на начало второго тысячелетия н. э. Были **вятичи**. Кто же такие в историко-этимологическом понимании были вятичи?

Вятичи. Согласно народно-этимологической версии, приведённой монахом Нестором в Повести временных лет, название **вятичи** произошло от родоначальника племени, Вятко, — уменьшительной формы от славянского имени Вячечслав. В Повести временных лет говорится: «Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко... а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили своё название Вятичи». Следовательно вятичи — восточнославянский племенной союз, обитавший в (VI-VII вв.) в бассейне Верхней и Средней Оки на территории современных Московской, Калужской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Липецкой областях. Археологические памятники Вятичей представлены ромено- борщевской археологической культурой. (см. карту 2)

Вятичи расселились в бассейне Оки в период VI-VIII вв. По археологическим наблюдениям, расселение вятичей происходило с территории днепровского левобережья или даже с верховьев Днестра (где обитали дулебы). Отделившись от **племени ляхов** вятичи вошли в сообщество русских славян довольно поздно. В народе ещё в XI в. сохранилась память об их движении на восток.

Вятичи заняли верхнее течение Оки, придя таким образом в соприкосновение с балтийским племенем **голядь** сидевшем в основном на Протве, а также финно-угорскими племенами **мещерой, мерюю и муромой**. Последние видимо без особенной борьбы были ассимилированы, либо подвинуты на север и восток. Едва ли могли существовать серьёзные причины к столкновению славян с финно-угорцами при огромном количестве порожних земель и ничтожности домашнего хозяйства у последних.

Археолого-культурологические данные расселения вятичей. Карта 2.

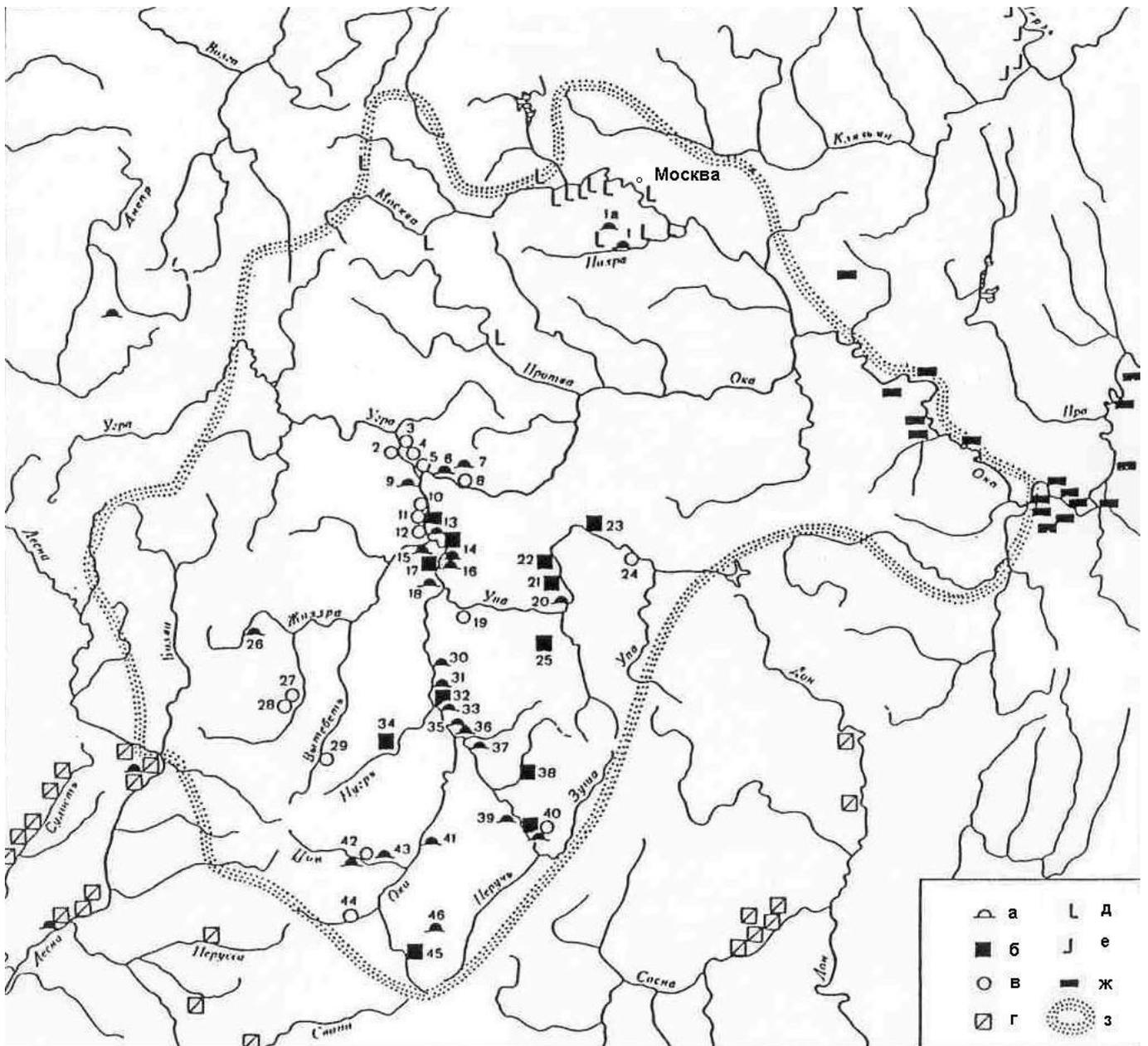

Рис. 27. Расселение вятичей в VIII - X вв.

а - могильники с курганами, содержащими трупосожжения; б - городища вятичей; в - селища вятичей; г - поселения роменской и борщевской культур; д - поселения последнего этапа дьяковской культуры; е - поселения мери; ж - среднеокские грунтовые могильники; з - границы расселения вятичей по курганам XI - XIII вв.

Таким образом земли Московии в период формирования Руси IX-XI вв. представляли собой балто-финноугорско-славянскую чрезполосицу (см. карту 3). Об этом помимо летописи свидетельствуют данные археологии и гидронимии (названия рек).

Археологические памятники вятичей представлены как уже говорилось ромено-борщевской археологической культурой. На территории Лосиногостовского района непосредственно по соседству с Ярославским районом существуют несколько групп вятичских курганов. Подлинность многих правда весьма сомнительна учитывая возможность изменения микрорельефа и позднего очагового сидения здесь мещеры.

Возвращаясь к вятичам скажем, что граница их расселения на территории современной Московской области весьма отчетлива. Сначала поднимается с верховьев Москвы-реки через пойму Истры к истоку Клязьмы. Далее простираясь на восток она пересекает её пойму выходя на правый берег. Примерно в месте слияния с Ворей она резко поворачивает на юг параллельно Москве-реке, а далее далеко на юго-восток по Оке.

Основываясь на данные археологии замечу, что крайняя восточная граница распространения семилопастных височных колец — Переяславль-Рязанский. Далее граница распространения вятичей огибая долину Дона возвращается в верховьям Оки. Верхнее течение Оки целиком занято вятичами. Обнаружены также отдельные археологические памятники вятичей на верхнем Дону, на территории современной Липецкой области.

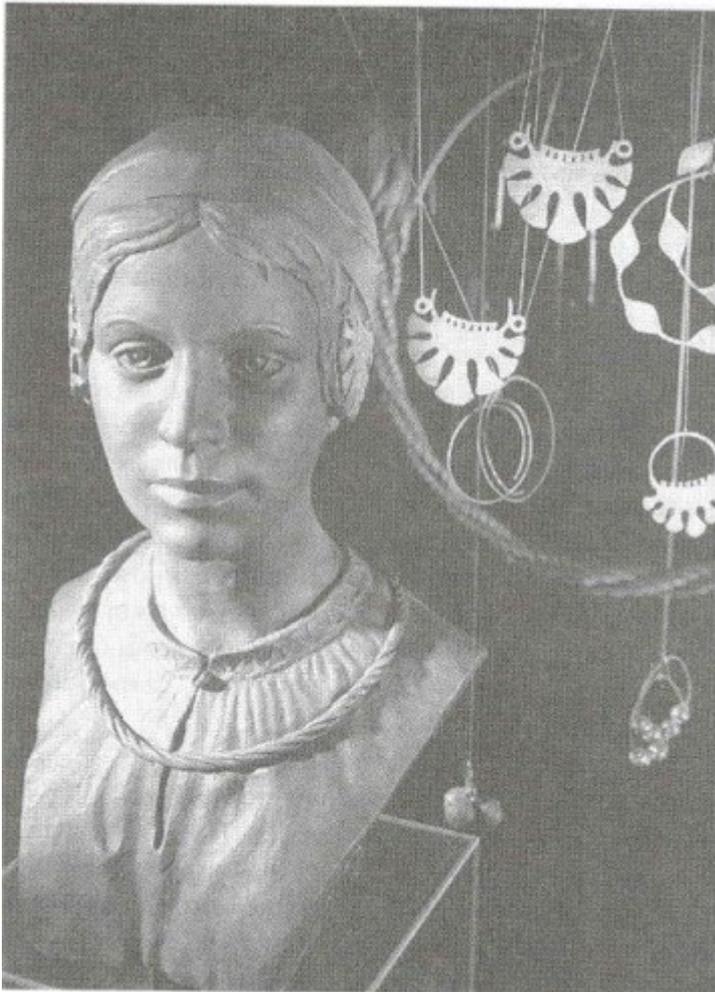
Как уже упоминалось выше согласно народно-этимологической версии, приведённой в Повести временных лет, название вятичи произошло от имени родоначальника племени, Вятко (уменьш. от Вячеслав). Существующие в настоящее время гипотезы возводят происхождение этнонима с праславянскими корнями -vet- «мокрый, влажный» и -vet-

«большой». Второй вариант в настоящее время наиболее актуален. Праславянский корень -vet- «большой» в конечном итоге сопоставим с такими этнонимами, как **венеды, венеты, вандалы**. Все это этнонимы имеют значение «большой народ».

Вятичи в истории Руси. Места обитания Вятичей овеяны легендами. Путники из Мурома в Киев ехали не прямо, а через Смоленск. Согласно былинам, именно в этих краях, 80 километров севернее, жил Соловей Разбойник. Один из подвигов Ильи Муромца состоял в том, что он проехал из Мурома в Киев через землю Вятичей. Когда он рассказывал об этом по прибытии в Киев, над ним стали смеяться - поляне считали это абсолютно невозможным. По сказанию полянина Нестора Вятичи и Северяне перед приходом Рюрика жили в лесах и отличались, по его мнению, дикими нравами. По смерти покойного сжигали. Прах клали в сосуд и устанавливали на небольшие курганы возле путей.

Вятич — реконструкция по останкам из кургана в Лосином Острове.

Семилопастные украшения на вятичской женщине по останкам из звенигородского могильника.

Это было племя, отличающееся силой, воинственностью, бесстрашием и племенной замкнутостью. Эти свойства они проявили в многовековой борьбе с князьями Руси за свою независимость. Тогда как другие племена, в том числе Северяне, еще при варяжском князе Олеге в 884 году вошли в состав Руси и почти безропотно подчинились своим завоевателям, Вятичи потребовали от русских князей многих походов. Первый из русских князей кто заставил Вятичей платить дань по шелягу с сохи, которую они до того (по-видимому на взаимовыгодной основе) платили Хазарам, был Святослав Игоревич, который победил Хазар и разрушил их город Саракелль - Белую Вежу. После этого Вятичи постоянно откладывались от Руси. Сам бесстрашный герой Владимир Мономах (на княжении с 1113 по 1125, прозван Мономахом по фамилии его матери, дочери византийского императора Константина) приравнивал свои походы против мятежных Вятичей к особым подвигам, и не без хвастовства писал в своем завещании, что один раз в своей жизни даже проехал землю Вятичей сквозь, правда, с дружиной. Чем повторил легендарный подвиг Ильи Муромца (совершенный предположительно 600 лет тому назад). В 12 веке Вятичи начинают попадать под влияние русских князей и вовлекаться в русские усобицы. В 13 веке та часть расселения Вятичей, которая ныне примерно соответствует территориям Орловской, Брянской, Калужской областей входят в состав Черниговского княжества.

Середина 13 века вошла в историю несколькими убийственными походами

ордынцев на Русь. В 1237-38 гг. Батый предпринял поход по северным русским княжествам, пройдя по ним кровавым смерчем. В апреле 1238 года армия вступила в землю Черниговского княжества и подступила к Козельску, одному из старинных городов Вятчей. На предложение дать себя пограбить горожане ответили резким отказом. Начался штурм. Но очень скоро ордынцам стало ясно, что в Козельске они столкнулись с чем-то совершенно неведомым. Они разорили и сожгли немало русских городов и крепостей, но тут все было совсем непохоже на то, с чем они привыкли сталкиваться прежде. Желание штурмовать этот город таяло на глазах. Началось массовое дезертирство. Ордынцы целыми отрядами бросали оружие и бежали прочь от этого города. Пришлось вмешаться Батыю, который лично взял на себя руководство осадой. Взятие этого маленького затерянного в лесах города стало делом чести великой армии. Из отборных частей были созданы заград-отряды, которые окружили армию и погнажи ее на город. Осада продолжалась семь долгих недель, почти два месяца! Один из эпизодов этой осады донесли до нас летописные предания. Когда ордынцам, наконец, удалось проломить стену, из города вышел отряд героев, которые разбили стенобитные машины, и убили четыре тысячи воинов и полегли сами в неравной битве, увенчав себя вечной славой. Козельцы показывали чудеса воинской доблести и искусства. Дети, женщины и старики с ножами в руках шли на ордынцев и одну за другой отбрасывали яростные атаки нападавших. Даже когда ордынцы вошли за стены города, ожесточенные бои продолжались. Козельчане разбирали дома и строили новые укрепления. Кровь лилась рекой в самом буквальном смысле слова. Тяжелораненые добивали себя, чтобы не быть в тягость сражавшимся, которые жали и жали обильную жатву. Когда же город был полностью захвачен, Батый повелел привести к нему пленных. Ему доложили, что таковых нет, ни единого человека.... Тогда он приказал отрубить у мертвых защитников города головы и сложить из них пирамиду. Это место сегодня известно в Козельске. Победа далась Батыю очень большой ценой: вместе с тысячами ордынских воинов погибли под Козельском трое его сыновей, тела которых так и не смогли опознать среди гор трупов. Видимо, так они были изрублены. После этого ордынцы не могли произносить название этого города и когда упоминали о нем, называли просто, злой город. По масштабам массового героизма и воинской доблести можно отнести оборону Козельска к самой героической обороне известной нам на территориях нынешней России.

Финно-угорцы. Соблюдая временную хронологию упомяну три народонаселявших древнюю Московию и ныне исчезнувших, либо утративших свою автономию, но живущих в сознании людей потомками которых они являются.

Следует сказать, что соседями кривичских, новгородских (ильменских), и особенно вятчских славян были три финно-угорских народа: **меря, мурома и мещера.**

Земли мери начинались за рекой Клязмой были обширными и простирались далеко на север и северо-восток. Видимо меряне были многочисленны и

представляли серьезную опасность для славян. Но не имея видимо собственного централизованного управления и информационной связи между родами (живя усобицей) без особого труда были ассимилированы более социально и хозяйственно развитыми славянами.

Люди мещера жили в Окско-Клязминском междуречье до р. Москвы на западе. Они видимо были наиболее близки к славянам. Жили охотой и рыбалкой, держались язычества и суеверий, чурались всякого пришлого человека. Это позволило сохраниться им даже до 17 века.

Мурома — наиболее известный реликтовый субстрат финно-угорского этноса. Правда в отличие от других финно-угорцев мурому ассимилировали до утраты этнической самостоятельности. У всех на слуху г. Муром (Владимирская область), а также сказание об Илье Муромце. Жители некоторых деревень Муромского р-на Владимирской области до сих пор называют себя муромой, вкладывая больший смысл, чем просто местный. Но идентифицировать себя по культурным особенностям, языку или внешности от русского народа невозможно!

Прежде чем подробно перейти к описанию финно-угорских народов отмечу, что кроме них были ещё весь зимегола, мокша, татары-мишари, и возможно другие неизвестные нам этносы. Но ближайшими соседями вятичей были мещеряки. Некоторые историки даже склонны называть их русская мещера.

Меря. "Чудь начудила, да меря намеряла..." Эти строки Александра Блока помнит каждый, а вот что за загадочное племя - меря?

Как говорят историки, мѣря или меря́не — древнее финно-угорское племя, жившее на территории Владимирской, Ярославской, Ивановской, восточной части современной Московской, части Вологодской, и западной части Костромской областей, до прихода туда славян-кривичей.

Меря впервые упомянута в VI веке готским летописцем Иорданом под названием мерен, позже о мере повествовали и русские хроники. В летописи «Повесть временных лет» меря расположена в районе озёр Неро («Ростовское озеро») и Плещеево («Клещина»). По данным «Повести временных лет» в 859 году варяги обложили меря данью. В начале X века она принимала участие в военных походах Олега, в том числе на Киев. Последнее упоминание о племени относится к 907 году. Позднее территория расселения меря стала основой Владимиро-Суздальского княжества. Одним из первых археологов, исследовавших мерянские и славяно-мерянские памятники в середине XIX века, был граф Уваров. Раскопав значительное количество славянских курганов, содержавших небольшое количество мерянских украшений, он приписал их мерянам. При раскопках вокруг озера Неро были обнаружены Сарское городище (племенной центр мери) и 19 селищ, принадлежавших мере. Указанные поселения располагались на склонах возвышенностей коренного берега озера, занимая берега ручьёв и рек Сара, Устье, Которосль в пределах досягаемости друг от друга.

Другое гнездо мерянских селищ расположено вокруг озера Плещеево. Одно из селищ расположено около озера Савельево (южнее Плещеева озера на 40 километров). С меньшей плотностью памятники мери расположены по течению реки Нерли Клязьминской, в окрестностях Ярославля и в Костромской области вплоть до Галича Мерьского.

Наиболее близкими мере по происхождению являются мари, затем мурома и мордва (эрзя), в меньшей степени — весь.

Ряд учёных (М. Фасмер, Т. С. Семёнов, С. К. Кузнецов, Д. А. Корсаков) отождествляют мерю с мари. Луговые мари́йцы воспринимают слово меря как русифицированное самоназвание западной ветви мари — Мярйі, которое до сих пор в употреблении мари Поветлужья и междуречья Ветлуги и Унжи. Костромские мари́йцы и сейчас называют себя словом мерен. «История о Казанском царстве» упоминает черемис, то есть мари́йцев, как коренных жителей Ростова, не пожелавших креститься и поэтому покинувших город.

Многие историки, филологи и этнографы склонны считать, что прямыми потомками летописных меря являются костромские мари́йцы.

В настоящее время в Парфеньевском, Антроповском, Вохомском, Нейском, Галичском районах Костромской области, Мышкинском и Некоузском районах Ярославской области и других есть некоторые коренные

русскоязычные жители, которые хотели бы считаться представителями народа меря, хотя все последние переписи населения их записывали русскими. Современные меряне имеют свои Интернет-сайты «merja.org», «Merjamaa - Мерянь Мастор» и др., где представлены национальные герб, флаг и гимн; участвуют в дискуссиях в финно-угорских сетях («Уралистика» и др.). Весной 2010 года в рунете появился новый мерянский портал «Меряния», созданный с целью систематизации существующих на сегодняшний день разрозненных материалов по теме мерянской культуры, сбора воедино различных мнений авторов, изучающих данную тему. Публикуя информацию на сайте, авторы ресурса заявляют: "мы не стремимся утверждать, что это единственное верное, безапелляционное Знание и иных быть не может. Ведь в спорах обязательно родится истина!"

Мурома - финно-угорский народ. Муромская земля располагается в землях Нижней Оки. На севере она граничит с Мерянией, на востоке - с Эрзянь Мастор и Марий Эл, на юге - также с Эрзянь Мастор, на западе - с Мещерой, бывшей долгое время в её политическом подчинении. В исторической литературе историю финно-угорской Муромы принято начинать со второй половины I тыс. от Р. Хр. и заканчивать 12-13-ым веком. Безусловно, это безответственная и заведомо ложная позиция.

Уникально то, что название города - Муром - сохранило исконное название финно-угорских хозяев этой страны до наших дней. Пожалуй, это главная победа муромлян и во времена московской "борьбы з язычеством", и в эпоху "просвещённого малороссийского славянизма", пришедшего в Московию з украинского запада. Муромы в раннем средневековье была ключевой частью Волжского торгового пути. Это финно-угорский Люксембург. Здесь были торговые ставки мери, муромы, эрзян и мари.

Современная наука не может твердо сказать, откуда именно происходит мурома и как называли себя люди этой нации. Распространено мнение, что муромский язык был близок эрзянскому. Муромская топо- и гидронимия достаточно полно сохранена в названиях местностей, населенных пунктов, рек и озер. О муроме имеются краткие сведения в первых киево-византийских летописях. Сохранились муромские памятники археологии - грунтовые могильники, селища-города и Чаадаевское городище.

Основным источником реконструкции истории муромы являются в первую очередь данные археологии - материалы раскопок 15 древних кладбищ, периодически производившиеся с конца прошлого века, и результаты, полученные при исследовании трех селищ.

Муромцы были прекрасными земледельцами и скотоводами, рыболовами и охотниками, вели активную торговлю со всеми близлежащими и дальними соседями. Об этом свидетельствуют многочисленные орудия труда, предметы быта и роскоши, вещи иноземного, немуромского происхождения и монеты, найденные в захоронениях и жилищах. Предметы вооружения - наконечники копий и стрел, боевые топоры - по качеству изготовления и боевым характеристикам достигали лучших европейских образцов. Это свидетельствует о том, что версия советских историков о мирной ассимиляции муромы славянами, как минимум, неправдоподобна. На самом деле речь шла либо о военном противостоянии, либо о договорных условиях

сюзеренитета с Киевом, после - Черниговом и Владимиром-Мерьским, вмониторвании Муромы и муромского народа в политическую систему Восчтоной Европы. Второй вариант представляется более убедительным. Судя по находкам знаменитых муромских украшений, отличающихся изобретательностью форм и тщательностью отделки, на высоком уровне стояло ювелирное ремесло. Особым богатством бронзовых и других украшений отличался погребальный костюм муромских женщин.

Отличительной чертой муромских могильников являлись погребения коней и изредка - коров, которым, вероятно, мурома поклонялись наряду с другими божествами своего пантеона.

В целом уровень экономики мурома находился на высоком уровне, что было связано с выгодным природно- географическим расположением Муромы. В VII-X веках мурома являлись - ни больше, ни меньше - законодателями моды для мира поволжских финнов.

Волны балто-славянских кочевников в X-XI вв. были ассимилированы коренными жителями края. Постепенно возникли смешанные славяно-финские поселения и могильники. К XII веку мурома уже не упоминалось в летописях как отдельный народ - к этому времени Киев и Чернигов предпочитали иметь дело с "географической областью", а не народом, неплохо освоившим славянскую речь как лингва-франка.

Даже отъявленные скептики-славянисты признавали, что древняя мурома "составила основу населения нижеокских земель, имевших для Руси важнейшее стратегическое и экономическое значение". А значит, финно-угорская мурома и ныне обитает на своих исконных землях. Вопрос реконструкции муромского национального самосознания - дело недалёкого времени.

Мещера для большинства людей - понятие географическое. Край лесов, озёр и болот в междуречье Клязьмы и Оки - Мещерская низменность. Мы же вернёмся к изначальному значению слова "мещера" - волжско-финское племя, проживавшее по берегам средней Оки и её притокам в средневековье.

Письменные источники:

Первое русское летописное упоминание о мещере содержится в "Повести временных лет" (11 в.), где это племя упоминается вместе с мерей и муромой, как данники киевских князей. В отличие от этих двух других финских племён, мещера упоминается и в более поздних русских документах 13-15 веков, причём во времена похода Ивана Грозного на Казань А.М.Курбский прямо указывают на существование "мордовского" языка в Мещерской земле. Учитывая, что уже в те времена единого "мордовского" языка не существовало, то вполне вероятно, что русский боярин мог назвать мордовским языком мещерский, близкородственный эрзе и мокше. Интересным документом в этой связи является договор между Дмитрием Ивановичем Донским и Олегом Ивановичем Рязанским 1382 г. о разделе земель с упоминанием проданных незадолго до этого Москве части владений мещерского князя Александра Уковича. Некоторые данные о мещере могли сохраниться и в арабских источниках, так как есть указания на то, что до мещерских земель доходили мусульманские проповедники.

Этнография. Для этнографов "мещера" означает прежде всего своеобразное

коренное русскоязычное население глубинки лесного края, лежащего на границе Московской, Рязанской и Владимирской областей. Этнографы также выделяют островки расселения мещеры в Тамбовской, Пензенской и Саратовской областях. Нет сомнения, что речь идёт о прямых потомках волго-финноязычной мещеры, однако этнография советского периода предпочитала говорить о мещере как о локальной этнической группе русского народа, возникшей в результате ассимиляции.

Эта этническая русскоязычная мещера сохранила некоторые черты внешнего облика: невысокий рост, тёмные волосы. В некоторых случаях присутствует особый "цокающий" говор. Есть некоторые своеобразные черты сельского жилища. Среди мещеры много охотников, рыбаков и пчеловодов.

Возможно, что само слово "мещера" является видоизменённым самоназванием племени и родственно современному мокша-мордовскому "меш" (пчела) *) и самоназванию "эрзя", которое восходит к эрзя-мордовскому "эритзя" (житель). Меш-эрзя, пчелинные жители, пчеловоды. Примерно так могли называть себя древние жители рязанского Поочья, района до сих пор славящегося своим пчеловодством.

Археология. Большая часть данных о мещере существует благодаря археологическим источникам. Археологические открытия мещерского наследия начались случайно, когда в 1870 году в селе Жабки Рязанской губернии (ныне Егорьевский район Московской области) был вскрыт грунтовый могильник 5-8 веков с погребальными женскими бронзовыми украшениями угро-финского типа. За этими находками последовали другие, аналогичные в Рязанской и Владимирской губерниях. Их сходство с жабкинскими позволило говорить об отдельной мещерской материальной культуре средневековья.

Археология связывает с этим племенем могильники и городища [II—XII веков](#), расположенные по среднему течению Оки.

Выводы А.Иванова по материалам Пустошенского могильника мещеры:

Народность могильника по характеру и составу своего инвентаря Пустошенский могильник принадлежит к тому типу погребений, который знаменует, повидимому, особую культуру. Характерными признаками данного типа следует признать: присутствие пластинчатых шейных гривен с цилиндрическими привесками, пластинчатых луновидных серег с такими же привесками, витых из проволоки шейных гривен с конусообразными шипами на концах, большого количества раковин каури и довольно грубых, но оригинальных имитаций из проволоки различных курганных находок, как то: шейных гривен и браслет с завязанными концами, ажурных подвесок и типичных на цепочках привесок в виде цилиндриков и ромбов. Все описанного типа вещи согласно приписываются финскому или во всяком случае инородческому племени, предшествовавшему славянской колонизации края.

История. Первое упоминание о мещере мы находим у Иордана: *Новейшая публикация «Гетики» Иордана представляет текст списка в следующем виде :*

*“thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Nauego Bubegenas Coldas” [Иордан, 116]. Его следует интерпретировать как сильно испорченный фрагмент текста на готском языке [Анфертьев 1994: 150-151], оригинал которого в части, касающейся интересующих нас территорий от Прибалтики до средней Волги можно восстанавливать примерно как “*þiudos: in Aunxis Vas, in Abroncas Merens, Mordens in Miscaris, Ragos stadjans / stadins [Athaul Nauego Bubegenas Coldas]” и переводить: [покорил] народы: в Аунуксе – весь, в Абронкасе (?) – мерю, мордву в Мещере, [по] Волге местности [атаул, навего, бубегенов, кольдов]’.*

Упоминания о Мещере также встречаются в [Толковой Палее](#) — памятнике древнерусской литературы [XIII века](#) и в русских летописях (например, в связи с походом [Ивана IV](#) на [Казань](#)).

[Князь Курбский](#) писал:

«А нас послал тогда [Иван Грозный](#) с Тремя на десять тысяч люду через Рязанскую землю и потом через Мещерскую, иде же есть мордовский язык».

Постепенно славяне заселили и Мещерский край. Племя мещера частью было ассимилировано, частью оттеснено к Волге. Однако название осталось, и те места, где некогда обитали финские племена, с незапамятных времен называют Мещерским краем или просто Мещерой.

Язык мещеры. В сообщении князя Курбского сказано, что у мещеры «мордовский» язык. Необходимо отметить, что «мордовского» языка не существует, а есть мокшанский и эрзянский языки. Сообщение Курбского дает основания полагать, что язык мещеры был достаточно близок мокшанскому и эрзянскому языкам. Материалы, собранные Л.П. Смоляковой на территории бывшей Парахинской волости в середине 60-х гг. подтвердили наблюдения предшественников и ее собственные выводы относительно иноязычного (финского) влияния. Специфика русских говоров Татарии, населенных обрусевшей или обрусевающей эрзей — носителями эрзянского языка, позволило автору предположить, что именно эрзя субстрат (а не диалект мокша) был в основе мещерских говоров. Отличительной особенностью мещеры является так называемое цоканье, которое распространено в Поочье на территории бывшего расселения мещеры. Материальная культура. Культура была близка к культуре [эрзя](#), так например у мещеры были распространены набедренное украшение, такое как пулагай.

В связи с предположением о наличии у древних славян вертикального ткацкого стана, Н.И. Лебедева приводит сведения о ткачестве «пулагаев» «русской мещерой» с. Мелехова Рязанской обл. и с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл., которые представляют из себя «затканную полосу с очень длинной красной шерстяной бахромой». При этом она подчеркивает, что территория

«обитания мещеры совпадает с поселениями Городецкого типа, в которых бытовал вертикальный ткацкий стан».

Одним из локальных вариантов южновеликорусского типа одежды Г.С. Маслова считает костюм заокской части Рязанской и Тамбовской областей - «русской мещеры» - одной из древнейших групп южновеликоруссов. Здесь сохранились очень старые черты, восходящие, по мнению автора статьи, к вятической одежде (понева, тип головных уборов) и черты, которые сближают одежду русского населения с одеждой народов Поволжья (особенно мордовской) -тип лаптя, черные повилы, раковины-ужовки, пулагай-пояс с бахромой.

Зеленин Д.К. отмечает такие особенности в одежде мещеры:

*у мещеры были распространены понева без прошивы, не сшитые спереди, рогатые кички и **черные онучи**.*

Черные повилы (они же онучи) также распространены у эрзи:

*Происходили изменения и в способах ношения обуви. Если маленькие дети, особенно летом, ходили как правило босиком, то подростки начинали носить лапти, а по праздникам и кожаную обувь — сапоги или кожаные ботинки. Причём, девочки обязательно должны были одевать онучи, а у **теньгушевской эрзи девочки с десяти лет носили черные повилы — сепракстат**. Это был кусок шерстяной ткани шириной 10,0 см и длиной до 2,5 м. Повилы по краям отделялись красным шерстяным шнуром. Они туго наматывались прямо на голени. Такие же повилы были распространены и у некоторых групп мокши. У мокши и шокши по праздникам девочки носили также красные обмотки — **якстерень каркст**. Процесс их наматывания был очень долгим, поэтому обычно это делалось вечером и девушки спали обутыми. Если праздник длился несколько дней, то обмотки не снимали на всем его протяжении.*

Когда исчезла мещера? Мещера правобережья Оки, по данным захоронений Окско-Рязанских могильников, исчезает к 10 веку. Заметим, что речь идёт здесь о лучших лесостепных и пойменных землях. Несомненно, что последняя и растянувшаяся более чем на половину тысячелетия стадия исчезновения мещеры как народа со своим языком и обычаями происходила на северном, левом берегу Оки, в болотной мещерской стороне, наименее привлекательной для наступавших с юга славян-земледельцев. До какого времени в отдалённых поселениях этого края мог сохраняться мещерский язык? В середине 19 в. литератор М.Баранович описывая Рязанскую губернию сообщал следующее: "мещера жила в основном по рекам Пре, Ялме, возле великих и малых озёр у южных границ Владимирской губернии что касается до мещеряков, то личность их в этих местах носит грустное впечатление народ в этих местах мелок, слаб, не развит." О мещере как о народе Баранович упоминает как о прошлом, хотя и недалёком, ещё живущем в местном предании.

В 16 веке на лесных землях к северу от Оки мещера ещё сохранялась со своим языком и верованиями. Об этом косвенно свидетельствует закладка Николо-Радовицкого мужского монастыря, в задачи которого входило обращение в язычников в православие, а также указывают русские документы времён Ивана Грозного.

Сегодня мы можем только предположить, что мещерская речь перестала звучать в самых глухих, северных местах расселения племени около 17 века.

Почему исчезла мещера? Обычный ответ на этот вопрос в литературе формулируется двумя словами: славянизация и ассимиляция. Более-менее известна хронология этого процесса, но очень мало известно о том, как он протекал. Известно, что в 9-10 веках прекратились мещерские захоронения по берегам Оки и на месте мещерских городищ разместились славянские. В это время с юго-запада по Оке двигаются варяги, устанавливающие своё государственное устройство и многочисленные земледельцы-колонисты вятичи. Как складывались взаимоотношения с мещерой у тех и других? У мещеры на берегах Оки к тому времени были и военная знать, и достаточно простых членов племени владевших копьями и луками. Была ли связана смена материальной культуры местного населения с его уничтожением или это был процесс заимствования нового?

Однозначных ответов на эти вопросы пока нет, хотя бескровная ассимиляция в средневековой Восточной Европе представляется плохо. Что касается мещеры, которая жила на левом берегу Оки или частично ушла туда, то процесс эволюции материальной культуры прослеживается там более плавно. В этих непривлекательных для славян краях, порождавших мрачные легенды о соловье-разбойнике, история дала ещё несколько столетий для существования самобытной мещерской культуры и собственного образа жизни. Считается также, что часть мещерского населения ушла дальше на север и восток, но также впоследствии была ассимилирована в различной степени русскими и татарами.

Антропология. Гипотеза о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей в 50-е годы подверглась проверке учеными научно-исследовательского института антропологии МГУ. На основании антропологических материалов они высказались «против точки зрения, утверждающей единство происхождения мишарей и так называемой русской мещеры», и указали на возможность **генетической связи русской мещеры с локальными «группами мордвы-эрзя».**

Академик Алексеева Т.И. пишет:

"Русские с территории обитания муромы также очень сходны с мещерой. У них относительно светлая пигментация, ослабленное развитие бороды, очень узкое лицо, преимущественно прямой нос и

т.д. Этот факт может быть истолкован как подтверждение связи мещеры и муромы, а при учете того, что в населении, окружающем эти группы, проявляются иные антропологические типы - валдайский и восточновеликорусский, - как подтверждение генетического родства этих реликтовых восточнофинских приокских групп."

*"Локализация такого своеобразного морфологического комплекса на относительно изолированной территории позволяет поставить вопрос о выделении нового антропологического типа в систематике Восточной Европы. На основании сходства с ильменским его можно отнести к восточноевропейской контактной группе типов североевропеоидной или балтийской малой расы (по Чебоксарову). Последовательно проводя географический принцип в обозначении расовых типов, следует назвать его **среднеокским**."*

"Сравнение черепов мещеры, мери и муромы с восточнославянскими, с одной стороны, и с финноугорскими - с другой, говорит о значительно большем сходстве их с первыми. В этом смысле мы можем говорить о генетических связях восточнославянских и восточнофинских народностей на территории Волго-Окского бассейна, возникших задолго до их этнического оформления." Меряне среди муромы и мещеры были наиболее широколицы, глаза же их видимо иногда имели широкую мандалевидную форму.

Балты. Двигаясь обратно по временной хронологии опустимся к культурной колыбели человечества, а затем возвратимся назад к временам, когда устные предания обрели наконец летописную форму.

Вдумайтесь в названия наших рек: область на севере и юге окаймляют Волга и Ока, между ними расположены Клязьма и Москва, а пространство между этими реками заполняют их притоки, среди которых Истра, Руза, Лама, Воря, Яхрома, Яуза, Нара, Пахра и т. д. Примечательно, что ни одно из этих названий, за редким исключением, не может быть осмыслен современным русским населением Подмосковья. Только небольшие речки и ручьи имеют понятные русские названия: Берёзовка, Каменка, Черноголовка, Черёмушка, Вонючка, а также Сестра, Дубна.

Так в 1901 году историк-географ А. Л. Погодин занимаясь историей славянских передвижений, указал на принадлежность гидронима Руза (левый приток р. Москвы) к балтийским языкам. Серьёзный вклад в список балтийских названий подмосковья внёс в 1932 году известный лингвист М. Фасмер, убедительно доказав балтийское название рек Истра, Лама, Лоба, Нара. Но сплошной анализ гидронимии Подмосковья, который выявил массовый характер балтийских названий, был выполнен только в 1972 году академиком В. Н. Топоровым. В дальнейшем исследования в этом направлении продолжили специалисты в области исторической лингвистики и ономастики В. А. Никонов, Л.Г. Невская, Р. А. Агеева, В. М. Горбаневский, Д. А. Крайнов, В. А. Кучкин, В. П. Нерознак.

Анализ гидро Московской области показывает, что волосовская финно-угорская гидронимия (2 тыс. лет до н. э.) представлена лишь на северо-востоке и востоке области. Сохранение в этих же районах балтийских гидронимов позволяет предполагать мирное существование балтов с финно-уграми. Прежде всего отметим гидронимы, имеющие в основе балтийские народные географические термины. Среди них гидроним Нара (левый приток Оки) от литовского *naга* - «поток», название реки Лама (правый приток Шоши) сопоставимо с литовским *loma*, латышским *loma* - «низина, узкая длинная долина, болото, маленький пруд. Известные гидронимы Лобня (левый приток Клязьмы), Лобца (левый приток Истры), Лобь (левый приток Шоши) восходят к балтийскому географическому термину *loba, lobas* - «долина, русло реки». Сюда же возможно относится и гидроним Лопасня (левый приток Оки).

Методика выявления происхождения гидронимов разнообразна. Так, например балтийское происхождение многих названий удаётся установить путём сравнения с гидронимией балтийских территорий, учитывая при этом возможные фонетические изменения. Например гидроним Яуза. Известны четыре реки с таким названием, из которых три находятся в Московской области: одна — приток Москвы, другая — Сестры, и третья Ламы. Ещё одна Яуза протекает в Смоленской области. Существование варианта «Ауза» позволяет сопоставить этот гидроним с рядом аналогичных названий в Латвии: реки Аузас и Аузец, болото Аузу, луг Аузи. Правда возможен и славянский вариант. Представим, что в старину русичи видев этот полноводный (по тем временам) приток Москвы идущий на мытищинский волок восклицали «А — уза!» т. е. Вот она связь, дорога, водный путь! Проживание балтоязычных племён в этом регионе до прихода славян подтверждается и лингвистическими данными. Академик Б. А. Серебренников (1957) установил балтийские заимствования у финно-угорцев Волго - Клязьминско междуречья.

В древнерусских летописях сохранились некоторые названия балтийских племён: литва, летгола, земигола, жмуть, корсь, ятвяги, голядь и пруссы. Таким образом к концу первого тысячелетия н. э. уже на момент образования Киевской Руси, на востоке современной Московской области древние балты контактировали с финно-угорским населением, в частности, племенами меря и мещера, известными по упоминаниям их в летописи. Мерянское население тяготело к Ростову Великому, а мещера к Шатуре, Черустям и Рязани. Было как ужупоминалось и финно-угорское племя мурома. И хотя в 8 — 9 вв. в Волго-Окском междуречье утверждаются славяне (кривичи и вятичи), но и после прихода славян балтийское население не отступило из Подмосковья и осталось на своих местах. Об этом в частности свидетельствуют летописные упоминания о балтийском племени **голядь**, обитавшем на р. Протве, на юго-западе современной Московской области. Так о проживании голяди в Западном Подмосковье свидетельствует Ипатьевская летопись. Под 1147 годом сообщается, что суздальский князь Юрий Долгорукий, претендовавший на киевский престол, пошел с войском на Новгород Великий, а черниговскому князю Святославу Ольговичу повелел воевать Смоленскую волость. Последний принял это

предложение и захватил часть смоленских земель в бассейне р. Протвы, притоке Оки, заселенных голядью - "...и шед Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве..." -записал летописец (ПСРЛ, 1962, с. 339).

К голяди Подмосковья относится и сообщение летописей под 1058 годом о победе Изяслава Ярославича над голядью (ПСРЛ, 1962, с. 114). Нередко это трактуется как свидетельство военного похода Изяслава в Галиндию (Пашуто, 1959, с. 11). Однако Изяслав в эти годы находился на Смоленщине и в Северо-Западной Руси, был занят "установлением" этих земель и вряд ли оттуда мог организовать поход в далекую прусскую Галиндию. Более того, с той же смоленской голядью, по-видимому, связано отмеченное летописями событие 1248 г.: "И Михаиле Ярославичъ московский убьень бысть от Литвы на Поротве" (ПСРЛ, 1925, с. 38). Московский князь Михаил Хоробрит вынужден был снова отправиться на Протву, где и погибает в сражении с Литвой. Литва на р. Протве в середине XIII в. это - безусловно потомки голяди. Таким образом, надежно определяется, что в XI-XIII вв. в Западном Подмосковье в бассейне р. Протвы проживала голядь.

Очевидно, племя голядь под именем Coldas названо в сочинении историка VI в. Иордана "Тетика" (Иордан, 1960, с. 89), на что впервые обратил внимание А.Л.Погодин (1940, с. 24). Этот этноним упомянут Иорданом среди названий ряда других восточноевропейских племен без указания их географического размещения в связи с характеристикой готского короля Германариха, будто бы покорившего эти северные племена. Среди последних отчетливо читаются меря, мордва, весь, чудь. Произведение Иордана было окончено в 551 г., но автор широко использовал и не дошедшие до нас сочинения Аблабия (середина V в.) и Кассиодора (конец V - начало VI в.). Сведения о голяди здесь относятся к IV в.

Память о голяди в отдельных местностях её прежнего проживания сохранялась ещё в XIX в. Так, калужский краевед В.М.Кашкаров сообщает, что в Мещовском уезде Калужской губ. недалеко от дер. Чертовой имеется гора, на которой "по преданиям, в очень стародавние времена жил разбойник Голяга, по другим - Голяда. Обладал он силой непомерною, на 30 верст бросал свой топор". В том же уезде близ деревень Свинухово и Сабельникова местные житетели указывали две горы, на которых жили два брата-разбойника Голяги, перебрасывавшиеся друг с другом топором (Кашкаров, 1901, с. 12-13).

На основе топо - гидронимов, производных от этнонима голядь, исследователи очерчивают довольно широкий регион расселения этого племени - от верховьев Клязьмы на севере до верховьев Жиздры на юге и от водораздела Днепра и Волги на западе до окрестностей Москвы на востоке.

Еще В.Н.Татищев сопоставил летописную голядь с античными галиндами и Галиндией -одной из земель Пруссии. С этим вполне правомерно согласились многие исследователи и полагая, что окская голядь была балтским (литовским, по терминологии XIX в.) племенем и каким-то образом оказалась в XII в. на реке Протве в окружении вятичей и кривичей. О происхождении голяди высказано несколько догадок. Согласно одной из них, голядь переселилась из Галиндии на Протву вместе с вятичами и радимичами, о ляшском происхождении которых говорит "Повесть временных лет" (С.М.Соловьев, Н.П. Барсов, А.А.Шахматов). Другая группа ученых видела в голяди на Протве поселения пленников, переселенных древнерусскими князьями из Галиндии (Н.М.Карамзин, П.И.Шафарик, П.И.Якобий, В.Т.Пашуто). Сторонники третьей точки зрения утверждали, что летописная голядь была реликтом древнего населения Восточноевропейской равнины, которое занимало её обширные пространства с глубокой древности (П.И.Кеппен, Н.И.Костомаров, П.В.Голубовский, М.К.Любавский, А.И.Соболевский, Ю.В.Готье, М.Фасмер).

Новейшие топонимические изыскания достоверно свидетельствуют, что области верхнеокского бассейна, где локализуется голядь, составляют неразрывную часть древнего балтского ареала. Причем, водных названий балтского происхождения здесь не меньше, чем в других регионах древнего расселения этого этноса. В этой связи, можно со всей определенностью утверждать, что балтские племена начиная с отдаленной древности вплоть до славянских миграций заселяли земли бассейна верхней Оки (Седов, 1971, с. 99-113; Топоров, 1972а, с. 217-280; 1972б, с. 185-224; 1982, с. 3-61; 1988, с. 154-176).

Славяне, как показывают материалы археологии, начали осваивать земли бассейна верхней Оки около VIII в. н.э. В более раннее время здесь проживали племена балтского этноязыкового массива. В раннем железном веке это были племена верхнеокской культуры, родственной днепродвинской культуре Смоленского Понепровья и Белорусского Подвинья и юхновской в Подесенье, принадлежность носителей которых к балтам не вызывает сомнений. Носители этих трех культур составляли крупное диалектно-племенное образование днепровских балтов (Седов В.В, 1985, с. 20-29).

Во II-III вв. н.э. в Верхнеокском регионе наблюдается инфильтрация новых групп населения, шедшая из Подесенья. Она проявляется в появлении на территории верхнеокской культуры древностей почепской культуры. Последняя получила распространение в бассейне Десны в I-III вв. н.э. и сложилась в условиях взаимодействия местных племен юхновской культуры с расселившимися на той же территории носителями зарубинецких древностей.

В бассейне верхней Оки переселенцы из Подесенья - носители почепских древностей селились или на поселениях верхнеокской культуры или основывали новые селища. В результате взаимодействия аборигенного населения с пришлым в Верхнеокском регионе на рубеже III и IV столетий складывается новая культура (рис. 1) - мощинская (Седов, 1982, с. 41-45). Основы домостроительства и характер керамического материала (сравнительно толстостенные горшки с выпуклыми плечиками и суженным низом с шероховатой или бугристой поверхностью из-за значительной примеси дресвы и крупного песка) были несомненным наследием местной верхнеокской культуры раннего железного века. Вместе с тем в мощинской культуре присутствуют элементы (наземные дома столбовой конструкции с внутренними прямоугольными котлованами, глиняные сосуды, в том числе не известные ранее здесь довольно многочисленные миски, с черной или коричневой лощеной поверхностью, характеризующиеся тщательностью изготовления и плотным тестом с примесью мелкого песка), генетически не связанные с местными древностями. Достаточно очевидно, что они были привнесены в Верхнеокский регион переселенцами из Подесенья.

Вопрос об этнической принадлежности носителей мощинской культуры решается так. Основой этой культуры несомненно были верхнеокские древности, носителями которых были местные балты. Домостроительство, обрядность, керамический материал и украшения, в частности вещи, инкрустированные цветными эмалями, дают основания для отнесения носителей мощинской культуры к балтоязычному населению. Инфильтрация в верхнеокские земли потомков зарубинецких племен не изменила коренным образом этнос их обитателей (Никольская, 1966, с. 15-16; Третьяков, 1970, 60; Седов, 1970, с. 42-44).

В Верхнеокском регионе, как и в левобережной части Верхнеднепровского бассейна, вместе с водными названиями балтского происхождения, имеющими многочисленные соответствия в Подвинье и современных литовско-латышских землях, имеются гидронимы западнобалтского (пруско-ятвяжско-галиндского) облика. Общая характеристика последних была сделана мною в связи с решением вопроса об этнической принадлежности племен зарубинецкой культурой (Седов, 1970, 44-47). Отнесение некоторых из таких гидронимов к западно-балтской группе дискуссионно, но среди них есть и достаточно надежные (например, с прусским корневым элементом "аре" или с меной -ж- на -з-). В этой связи В.Н.Топоров в своих гидронимических штудиях, специально посвященных Подмосковию, подчеркивает, что "мощный западнобалтийский компонент" в Днепровском левобережье и Верхнем Поочье несомненен (Топоров, 1982, с. 15). Показательными в этом отношении являются также выявляемые этим исследователем "соответствия между галиндо-прусской и верхнеднепровско-окской ("голядской") гидронимией" (Топоров, 1981, с. 114; 1980, с. 135).

Появление на восточной окраине древнего балтского ареала водных названий прусско-явтяжско-галиндских типов как и этнонима голядь являются прямым свидетельством перемещения каких-то групп населения из западнобалтских земель. Этот момент, естественно, нуждается в объяснении. В настоящее время распространение в верхнеокском и левобережноднепровском регионах вкраплений гидронимии западнобалтского облика может быть обусловлено только миграциями потомков племен зарубинецкой культуры. Как известно, в сложении классических зарубинецких древностей Припятского Полесья и Среднего Поднепровья ведущая роль принадлежала поморской культуре, которая определяется как периферийнобалтская, может быть, её носители занимали какое-то промежуточное положение между западными балтами и славянами. На всем пространстве расселения зарубинецких племен исследователями фиксируются географические названия западнобалтских типов. Они есть в Припятском Полесье (Непокупный, 1976, с. 103, 145, 169).

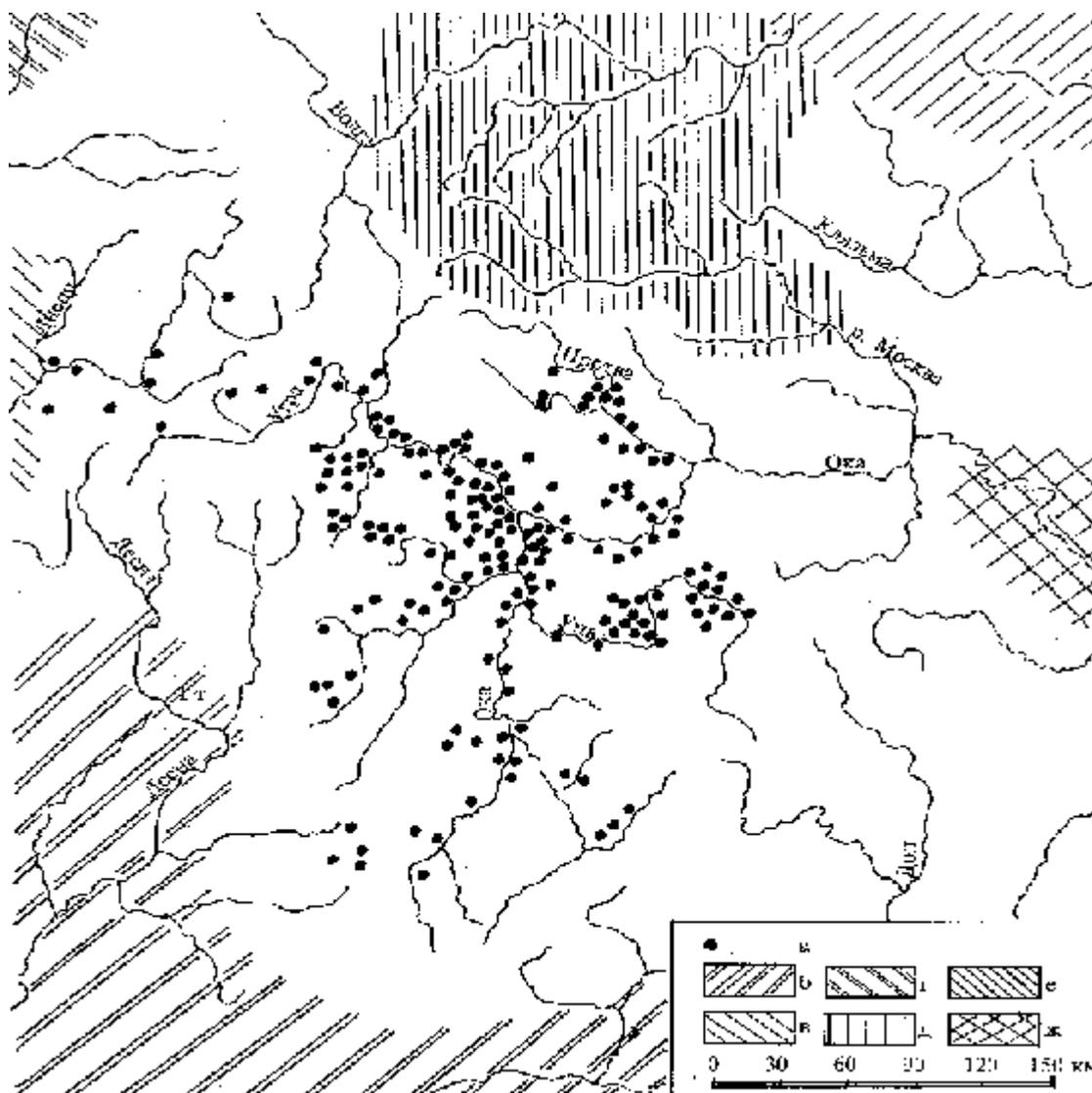
В второй половине I в. н.э. значительные группы зарубинецкого населения из Припятского Полесья и Среднего Поднепровья продвигаются в бассейн Десны, где, как уже говорилось, складывается почепская культура. Носители же последней в следующих столетиях проникают на верхнюю Оку, где и формируется мощинская культура. Нужно полагать, что миграция зарубинецкого населения и потомков его не внесли существенных перемен в этноязыковые ситуации Подесенья и Верхнего Поочья. Аборигены этих земель - днепровские балты приняли в свою среду родственное население. Вместе с тем, переселенцами были привнесены в эти земли западнобалтские языковые особенности, выявляемые прежде всего в гидронимике (Седов, 1970, с. 42-48; 1994, с. 201-219). Других объяснений появления западнобалтских лингвистических элементов на востоке древнего балтского ареала пока нет (карта 4).

Мощинская культура оставлена определенно дославянским населением. В VIII в., когда верхнеокский бассейн заселяется славянами (карта 2), она прекращает свое развитие. Славянами в эти края были принесены культурные элементы, проявляемые в домостроительстве и керамическом материале, сопоставимые с материалами роменской и боршевской культур. Вместе с тем, очевидно, что местное балтское население в основной массе в процессе славянского расселения не покинуло мест своего обитания. Ярким примером взаимодействия мощинских племен со славянами является появление у последних обычая хоронить умерших в курганах.

Погребальными памятниками мощинской культуры являются курганы полусферической или усеченноконической формы высотой 2-4 м при диаметрах оснований 10-15 м. В отличие от восточнославянских мощинские курганы не образовывали больших могильников, а располагались по одному, по два или по три. Их характерной особенностью является кольцевая ограда, устраиваемая, по всей вероятности, в ритуальных целях в момент захоронения. Эти ограды напоминают кольцевое сооружение языческого святилища, открытого в Тушемле на Смоленщине. Судя по материалам раскопок курганов Шаньково и Почепок, слои обожженной земли с углями и

остатками трупосожжений находились в центре насыпей. Несколько в стороне от погребальных остатков ставились глиняные сосуды, иногда дном кверху. Захоронения во всех случаях были безурновыми, сосуды помещались в курганы с ритуальными целями.

Дославянские культуры. Карта 4.

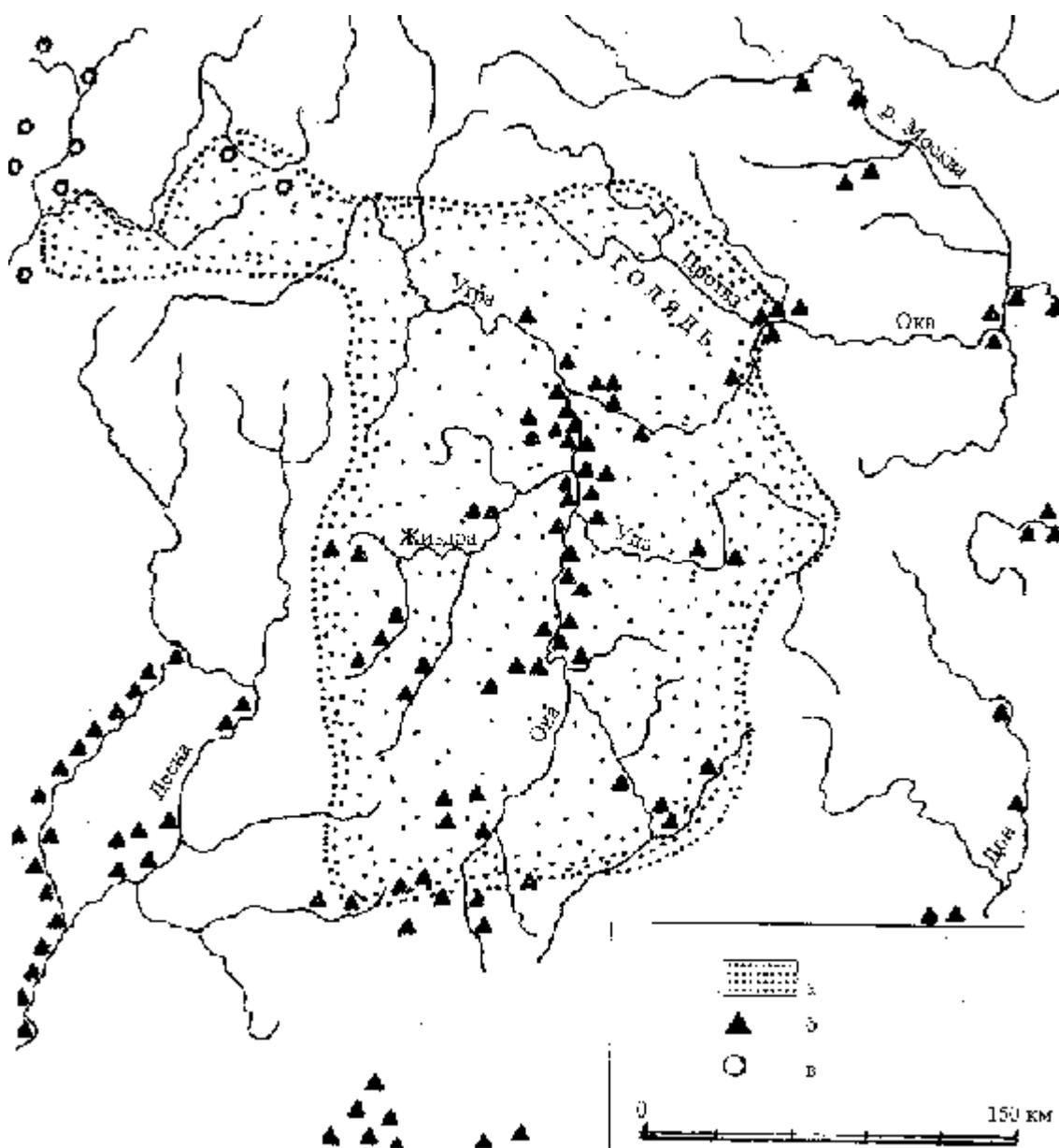
Регион верхней Оки и смежных земель в третьей четверти I тыс.н.э. а - памятники мощинской культуры; б - ареал колочинской культуры; в - тушемлинской культуры; г - культуры псковских длинных курганов; д - москворецких и верхневолжских городищ; е - культуры мери; ж - рязанско-окских могильников.

Славяне, поселившиеся в ареале мощинской культуры, первоначально не знали курганной обрядности и переняли её от аборигенов. Воспринят был и обычай сооружения кольцевых оград. Правда, они встречаются только у части курганов VIII-X вв.

На верхней Оке (до устья Угры) процесс славянизации аборигенного населения протекал, по-видимому, довольно активно и к XI-XII вв. завершился. Курганы XI-XII вв. этого региона имеют уже характерный вятичский облик. Лишь по его окраинам, там, где вятичская колонизация встретилась с кривичской, выявляются отдельные погребения голяди. Таков

курган 1 могильника Трашковичи, в котором на материке открыто захоронение коня и несколько южнее мужское погребение, ориентированное головой к востоку. При нем найдены железные топор и наконечник копья, а также глиняный горшок (Булычев, 18996, с. 57-61). Восточная ориентировка погребенных в древнерусских курганах лесной зоны Восточноевропейской равнины, как установлено ныне, является наследием балтской погребальной обрядности (Седов, 1970, с. 162-171). Наличие при погребенном топора и копья не свойственно восточнославянскому ритуалу и находит многочисленные аналогии также в средневековом балтском мире, например, в памятниках латгалов.

Расселение славян в ареале мощинской культуры. Карта 5.

Расселение славян в ареале мощинской культуры в VIII-X вв. а - ареал мощинской культуры; б - памятники роменской, боршевской и родственной им культуры верхней Оки; в - синхронные памятники кривичей.

Восточная ориентировка погребенных зафиксирована еще в двух курганах Трашковичского могильника. В кургане 12 при захоронении найдены топор и нож, в кургане 16 - нож и пряжка. Остальные раскопанные курганы этого некрополя содержали труположения с западной ориентацией и вещевыми находками, характерными для смоленских кривичей.

Останки конских захоронений открыты еще в двух курганах между Васильевское и Паршино. Труположение в одном из этих курганов было обращено головой к северо-востоку. Еще одно конское захоронение обнаружено в кургане с остатками кремации человека в Выгоре (Булычев, 1899а, с. 63; 1899б, с. 36-38).

В лесной зоне Восточно-европейской равнины конские захоронения в древнерусских курганах являются несомненным наследием балтского похоронного ритуала (Седов, 1970, с. 169).

Захоронения с восточной ориентировкой кроме упомянутых встречены еще в ряде курганных групп, раскопанных Н.И.Булычевым на окраинах бывшего мощинского ареала. Это - могильники Синьгово, Суборовка, Войлово, Шуи, Колчино, Курганье, Леоново, Погост (Булычев, 1899а; 1899б; 1903). Большинство таких погребений безынвентарны или сопровождалось единичными находками (ножи, поясные кольца и др.). Довольно большое число украшений встречено в кургане 41 могильника Колчино. Это - три перстнеобразных колечка с завитком на конце, три привески (плоская уточка, миниатюрные ложка и топорик), бубенчики, перстень и 18 стеклянных позолоченных бус. Только в одном случае (курган 9 могильника Погост) при погребенной головой к востоку обнаружены браслетообразные височные кольца.

Нужно полагать, что балтское население, хоронившее умерших головой в восточном направлении, находилось в стадии ассимиляции. Оно пользовалось уже едиными со славянами могильниками и проживало в общих селениях, но еще, по-видимому, не носило типично вятичских и кривичских височных колец. Интересен курганный могильник Леоново на речке Пополте (Булычев, 1899б, с. 1-3), скорее всего, являющейся целиком некрополем славянизирующейся голяди. Здесь открыты погребения и с восточной, и с западной ориентацией. В кургане 8 при погребенной головой к западу обнаружено шейное украшение, состоящее из большого ромбоциткового височного кольца, к которому были подвешены семилопастные кольца. Кроме того, два семилопастных кольца находились на черепе. Очевидно, в данном случае, височные кольца нельзя рассматривать как этноопределяющие.

Курганные труположения с северной ориентировкой в рассматриваемом регионе также следует относить к голядскому наследию. Если восточная ориентировка погребенных в древнерусских курганах является отражением ассимиляции славянами местного восточнбалтского (днепровскобалтского) населения, то северная ориентация умерших на голядской территории, по-видимому, восходит не к финно-угорскому (этот регион расположен

изолированно от древнего финно-угорского ареала), а к западнобалтскому ритуалу. Погребения, положенные головой на север, открыты в курганах могильников Коханы, Дубровка, Доброселье, Синьгово, Колчино, Богоявление, Марфинка (Седов, 1982, с. 172-173).

В каменных курганах III-IV вв. земли ятвягов (позднее здесь господствовал обряд кремации умерших) все трупоположения имели северную направленность.

В могильниках с каменными венцами II-VI вв. и сменивших их грунтовых некрополях без венцов VI-VII вв. области расселения куршей господствовала такая же ориентация умерших. Головой к северу погребались умершие и в могильниках V-XIII вв. Скальвии. Пруссы долгое время сжигали своих покойников. Только в начале XII в. получает распространение обряд ингумации и все умершие стали помещаться в могилы головой на север (Седов, 1987, с. 401, 405, 406, 410, 415). Очевидно, такое положение умерших было обусловлено какими-то языческими представлениями западных балтов. И это позволяет говорить о возможности привнесения подобной обрядности в голядский регион.

Начиная с IX-X вв. славяне-вятчи с верхней Оки постепенно продвигались в северо-восточном направлении. При этом, расселение шло по поречью Оки и далее вдоль реки Москвы. Регион Протвы и Нары оставался не затронутым славянской колонизацией. Складывается впечатление, что голядь, заселявшая его, не допускала сюда славянских переселенцев.

Первые славянские поселения и курганы появляются в правобережной части бассейна реки Москвы в IX-X вв. и очень скоро округа будущего города Москвы оказывается наиболее плотно заселенным вятческим регионом (карта. 3). В том регионе, где летопись локализует голядь (кроме истоков Протвы, смежных с Можайским течением реки Москвы), курганов с типично вяти-чскими семилопастными височными кольцами не известно вовсе (кроме истоков Протвы, примыкающих к можайскому поречью Москвы). Более того, здесь нет и типично древнерусских курганных могильников, состоящих из десятков кучно расположенных насыпей.

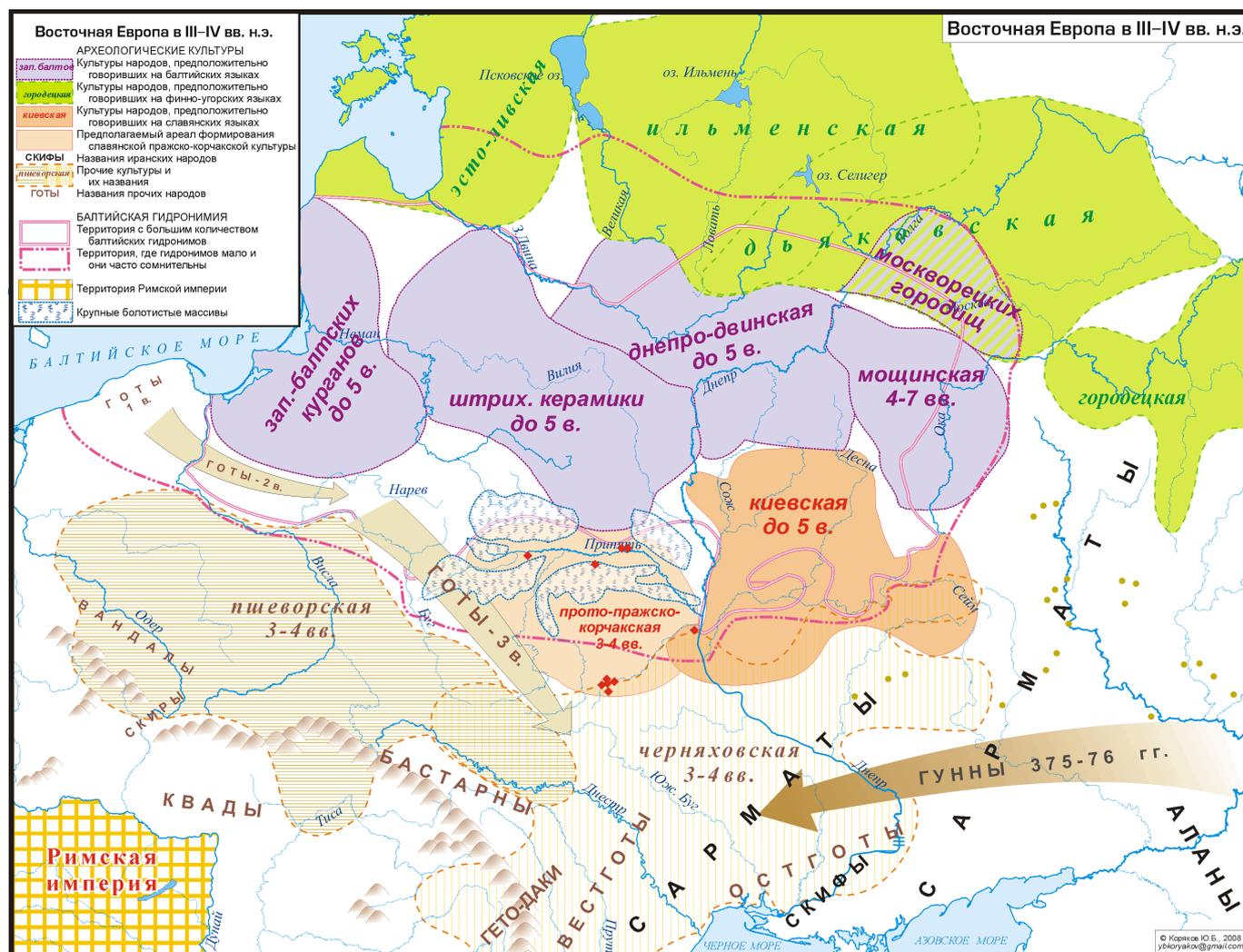
В летописном голядском регионе известны лишь немногочисленные могильники, состоящие из одной, двух, трех насыпей. Так, на р. Протве в округе д.Кривское зафиксировано четыре могильника по одному кургану, один состоял из двух насыпей, один - из трех, и еще одна группа насчитывала пять курганов. Из одного кургана состояли могильники бассейна Протвы у деревень Уваровское, Величково, Касины, Алтухово, Кутепо, Городня, Спас Загорья, Любицы, Кузьминки, Оболенское. Могильники из двух курганов известны у деревень Ермолино и Алтухово, из трех курганов около Беницы и Ермолино. Более крупных курганных некрополей, кроме названного выше одного из Кривских, здесь нет (Археологическая карта, 1999).

В одном из разрушенных курганов в Ермолино на Протве выявлены

отстатки кремации и глиняный сосуд мощинского облика. Раскопками 20-х годов двух Кривских курганов открыты труположения, при одном из них найден лишь бубенчик (Археологическая карта, 1999, с. 39-40).

В составе вятичского населения Москворечья выявляются курганные захоронения славянизированной голяди. Очевидно, более или менее крупные группы этого племени оказались увлеченными в славянский миграционный процесс. Какая-то часть таких курганов возможно отражает местные контакты подмосковных вятичей с голядью летописного региона.

Этнокультурная ситуация I тысячелетия н. э. Карта 6

Голядским, по всей вероятности, является обычай носить на руках большое количество перстней. В восточнославянских курганных при погребенных обычно встречается по одному-два, реже три перстня. Так, в курганах Костромского Поволжья на 214 погребений приходится 262 перстня и все они находились на пальцах рук (Рябинин, 1986, 66-67). В вятичских и кривичских курганных могильниках, расположенных на территориях по соседству с летописным голядским регионом, обнаружено по шесть-десять и более перстней. По 9-10 таких находок было в курганных погребениях могильника Орешково в Царицино (Москва), в некрополях Ликово и Судаково в Подольском районе, Салтыковки близ Москвы, Волинщины в верховьях

бассейна р. Москвы. По семь-восемь перстней обнаружено при погребенных в курганах Вишенки в Можайском районе, Анискино северо-восточнее Москвы, Еганово в нижнем течении р. Москвы и Бочарово под Юхновым. По шесть перстней встречено при погребенных в курганных могильниках Мякинино, Кожухово, Звездочка, Троицкое, Пушкино, Одинцово и Домодедово в окрестностях Москвы, Битягово близ Подольска, Богдановка, Колчино и Бочарово в бассейне Угры и в названном выше некрополе Волынщина.

Интересно, что в курганах Рязанского Поочья, в заселении которого участвовали вятичи, встречены погребения с одним-двумя перстнями (только однажды открыто захоронение с тремя перстнями). Ношение на руках большого числа перстней фиксируется по материалам латгальских могильников (Нукшинский могильник, 1957, с. 36, 39).

Шейные гривны не принадлежат к числу распространенных украшений в восточнославянском мире X-XII вв. Только у двух племен - радимичей и вятичей - они получили относительно широкое бытование. Анализ радимичских шейных гривен показывает, что прототипы многих из них находятся в балтских древностях, а обычай широкого употребления их обусловлен включением в этногенез этого племени балтских аборигенов (Седов, 1970, с. 138, 140).

Очевидно, распространение шейных гривен в ареале вятичей также отражает взаимодействие славян с балтами-голядью. Среди вятичских украшений есть шейные гривны, не известные в других древнерусских землях, но имеющие полные аналогии в летто-литовских материалах. Таковы, двускатопластинчатые гривны, заходящие концы которых придерживаются двумя тонкими пластинами. Они найдены в тех же могильниках (Покров, Волково, Одинцово, Саввина Слобода, Троицкое, Тушино и др.), во многих из которых фиксируются и иные балтские элементы. В вятичских курганах (Березкино, Битягово, Звездочка, Клопово) как и в ареале радимичей, встречены звездообразные пряжки, имеющие аналогии только в Латвии (Седов, 1970, с. 140). Очевидно, в Подмосковье в XI в. имела среда, родственная летто-литовскому населению. Голядским наследием, вероятно, являются и погребения с северной ориентировкой, открытые в подмосковных курганах в Крымском и Стрелково.

Летописный регион голяди оставался не доступным для славянской колонизации до XV в., когда московские князья стали основывать города, что и привело к окончательной славянизации остатков балтского племени.

Название этого племени сохранилось в названиях двух деревень. Голядь — одна в 4 км к западу от Клина, другая в 20 км к западу от Дмитрова. Кроме того, известна речка Голедеянка (Чурилиха) в системе левых притоков реки Москвы на востоке столицы. Любопытно, что в пределах того же балтийского ареала (в Мытищинском и Коломенском районах) дважды встречаются этнопонимы «прусссы» - ещё один западнобалтийский народ. Совместное упоминание голяди и пруссов отмечается и в других местах. Из

вышесказанного следует, что территория Московской области долго находилась во власти балтоязычного населения.

Чтобы определить, какие народы и в какое время создали дорусскую гидронимию современной Московской области, необходимо привлечь данные археологии. По мнению академика В. В. Седова, языковая принадлежность древнейшего населения этой территории остаётся неопределённой. Имеются данные, свидетельствующие о том, что археологические находки каменного века (палеолит, мезолит, неолит) оставлены даже не индоевропейским населением, этническая принадлежность которого неизвестна.